

ИГНАТЬЕВА ИРИНА

БЕЗ
ЧЕТВЕРТИ
ПОЛНОЧЬ

ФЭНТЕЗИ-ПРОРЫВ

EWA **RED**

Ирина Игнатьева

Без четверти полночь

Серия «EWA. Фэнтези-прорыв»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66407644

Аннотация

Работа инспектора Киры понятна и проста: учет, контроль, при необходимости – ликвидация единиц нечистой силы. Некогда рассуждать, о чем эта нечисть думает, что ей движет, кроме желания убивать или бесконечного голода. Ведь у некоторых экземпляров и головы-то нет, а у кого – аж по две или три! Так было, пока Кира не начала ощущать то же, что НЕживые... Видеть глазами утонувшей водяницы, что борется за власть в лесном озере, читать мысли своего двойника-мертвеца, мечтающего о свободе, и даже управлять огромным псом-гибридом в жестокой драке. А все из-за того, что бабушкино проклятье пробудилось, сдвинув с места стрелки часов-тату на Кирином запястье. И теперь, пока стрелки бегут к двенадцати, вся городская нежить вместе с магическим Ковеном охотиться за «новоиспеченной ведьмой». Но ведьмой ли? Станет ясно, когда наступит полночь.

Содержание

Глава 1. Без четверти. Камень	11
Глава 2. Наследство	22
Глава 3. Нечистик	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Игнатьева

Без четверти полночь

Накануне. Кира.

Первый подъезд обвалился почти полностью. Несколько глубоких неровных трещин змеились по фасаду от крыши до окон первого этажа.

Я всё больше впадала в уныние, разглядывая очередное грязное, пришедшее в упадок человеческое жилище. Застарелая пыль ушедшей эпохи.

Дом признали аварийным ещё год назад, людей оперативно расселили. А вот дальше дело так и не сдвинулось. Всякий раз, когда у властей наконец доходили руки до этого многоквартирного хлама, что-то обязательно шло не так. Сначала расшалившийся кран чуть не влетел в стену новенькой многоэтажки напротив. На другой день у экскаватора внезапно закончилось топливо. После прораба чуть не убило рухнувшим куском балкона. И длилась эта череда происшествий уже приличное количество времени.

– Проклятый, видать, дом-то... – шептались по закуткам и рюмочным местные любители выпить.

Ответственные же за снос здания начальники строительных фирм отчитывались перед властью города и винули во всём происки конкурентов. А дом продолжал стоять, печально глядя на прохожих тёмными провалами пустых окон.

Наконец информация о проблемном объекте долетела и до моего ведомства. От руководства поступили чёткие распоряжения: произвести зачистку, о результатах доложить по протоколу. И вот я прибыла на место, пытаюсь смириться с поставленной задачей. Мне рассказывали о подобных зачистках, но выполнить такую работу самой предстояло впервые.

Под форменным сапогом хрустнула бетонная крошка. Чёрная дыра подъезда встретила, бросив в лицо горсть озлобленной тишины. Я опустилась на ступени лестницы, вытаскивая из рюкзака всё необходимое. Оторвала зубами кусок синего пакета: в пластиковую миску, роняя брызги на облупленную половую краску, полилось молоко. Наполнив ёмкость, поставила её в угол и принялась ждать.

Шорохи около приманки засекала минут через двадцать. Быстро. Рассказывали, что иногда и сутки приходилось ждать. Я включила фонарик, и угол подъезда залил яркий свет. Луч выхватил лохматую голову и чумазое лицо, наполовину скрытое густой растрёпанной бородкой. А из-под кустистых рыжих бровей меня хмуро изучали огромные карие глаза.

Неправду говорят, что домовые – сплошь одни старички: до первой полусотни лет так вообще считаются юнцами, даже борода не растёт. Этому навскидку было чуть больше ста. Крепкий, низенький мужичок, размером с полугодовалого ребёнка, плотно, будто маревом, окутанный странной магией.

Причина всех невзгод строителей при сносе подобных старых зданий крылась именно в домовых. Сами покинуть жилище они не могли, а в новое переезжали только вместе с хозяином. Если же тот, к примеру, уехал и не вернулся или спился и помер в одиночестве, что бывало гораздо чаще, оставалась подобная домашняя нечисть доживать век в старых, полуобвалившихся зданиях. Хозяйничала по усмотрению, охраняла, строила козни чужакам, мешая снести обветшалое жильё.

Ведь домовый жив, пока дом цел. А умирать не только людям – никому не хочется.

– Кто такая? Чего пришла? – буркнул из угла мужичок и, не сводя с меня глаз, вернулся к трапезе.

– Кира Хохлова, специалист отдела по контролю и учёту единиц нечистой силы.

– Ликвидатор, значит... – равнодушно уточнил домовый. – Слыхали про вас.

Я спокойно ждала, пока он закончит с молоком. А может, просто оттягивала неприятный момент. Устранять нечисть мне приходилось и раньше. Чаще всего умертвий или слетевших с катушек «питомцев» – нежить, которую частенько содержали вместо милых кошечек-собачек представители магической элиты. Довелось иметь дело даже с одним вампиром. Но все они являли собой совершенно другой класс опасности: убийцы и монстры – зло во плоти.

Сейчас же предстояло уничтожить совсем иных созданий.

И от неправильности и неизбежности происходящего всё внутри скручивало в жгут, а на языке чувствовалась неприятная горечь.

– Сколько вас здесь? – я пыталась всё же не терять деловой тон. Вытащила планшет и принялась заполнять форму отчёта. – Имя? Возраст? Срок проживания в жилом помещении?

– Еремей я, из двадцать второй квартиры. Трое нас тутова. Мне сто пятый год вот пошёл, Фоме с пятьдесят шестой – сто сорок, Фёдору из двадцать седьмой всего ничего – тридцать два года исполнилось, малец совсем, ещё борода не выросла. Ты это, ведьма... Делай побыстрее, что хотела, пока другие тебя не почуяли. Малец пусть не знает. Так, в неведении, с надеждой – оно и лучше помирать. Сама скоро поймёшь, в твоих-то часах батарейка тоже на исходе.

И толстый короткий палец показал на моё запястье под манжетами перчаток с обрезанными пальцами.

– Я не ведьма, – оторвала я взгляд от экрана. – Могу только распознавать и чувствовать магию.

Домовой лишь усмехнулся, но промолчал.

Я же напряглась, уловив шум снаружи. Погасила свет и, поднявшись со ступеней, переместилась ко входу в подвал. Открыла дверь, скользнула внутрь, стараясь дышать через раз из-за вони и затхлости воздуха. Встав слева от проёма, замерла.

– Пашка, это глупо и опасно! Если нас сторож поймает? Или кто из строителей? – голос был молодой, ещё мальчи-

шеский, только начинавший ломаться. — Если что и оставалось в квартирах, всё давно вынесли.

— Не вынесли, — упрямо возразил другой, более низкий. — Мать пусть и пропила почти всё, этот чемодан хранила. Это семейная память... Хоть мамке и плевать было: ей водка семьей стала, а не я. В детдом вещи нельзя было принести — раздербанили бы, а теперь я всё, что в этой квартире осталось, в новую заберу. Нам на прошлой неделе уже ключи отдали.

— Везёт! Мне ещё полтора года в детском доме париться. Кто знает, будут ли квартиры потом давать.

Голоса приблизились, шаги раздались уже в подъезде. Двое быстро преодолели несколько пролетов.

— Двадцать седьмая? Открывай давай шустрее, — тихо переругиваясь, парни, судя по звукам, наконец вошли в нужную квартиру.

Я ждала. Вот захлопнулась дверь. Топот вниз по ступеням — но только одного человека. Другой же медлил наверху, навсегда расставаясь со знакомыми с детства стенами.

— Прощай, мамка!

Он постоял у входа в квартиру с минуту и поспешил догнать друга. Не подозревая, что вместе с чемоданом забрал кое-что ещё: на левом плече хозяина уютно примостился сгусток серого тумана, незаметный для обычного человека.

Когда голоса мальчишек стихли, из темноты донёсся вздох облегчения:

– Ну вот и хорошо! Будет Феде новый дом!

* * *

Горячая вода поглотила меня с головой. Пузырь воздуха сорвался с губ и быстро всплыл к поверхности. Чёрные змеи коротких волос скользили над лицом.

Минута – и краем глаза вижу, как они уже липнут блестящими прядями к шее. Вытираю с лица капли, пытаюсь вместе с ними стереть осадок от сделанного сегодня. Вылезаю из воды и вытираюсь наспех.

«Батарейка на исходе» – всплывает в памяти при взгляде на собственную руку.

Там, на запястье, уже давно поселилась тату – старинные часы на цепочке. Синие стрелки показывали без четверти полночь.

Я мотнула мокрой головой, отгоняя нехорошие мысли, и пошлёпала на кухню. Дойдя до порога, споткнулась и обалдело вытаращилась на стол.

– Э-э-э, ребята... А вы не перестарались?

– Ты садись, Кирушка, – от такого издевательства над собственным именем я болезненно поморщилась. – Со своей работой, наверное, и поесть не успеваешь как следует...

– Да-да, вон рёбра через халат выпирают, – с готовностью подхватил второй «кормилец».

И обе бородатые физиономии воззрились с обожанием,

а до меня наконец дошла вся трагикомичность ситуации. Хорошо хоть собственного домового в моём жилище не во-
дилось – давно переехал отсюда на новую квартиру вместе
со старшим поколением семьи. И вот теперь я притащила
в идеальное холостяцкое логово сразу двух.

«Только бы начальство не узнало!» – подумала и с эн-
тузиазмом принялась поглощать заботливо приготовленный
ужин, втайне надеясь, что мой устоявшийся уют не падёт
жертвой противоборствующих нечистых сил.

Ведь не просто же так домовые всегда селятся по одно-
му...

Глава 1. Без четверти. Камень

Струйка горячего пара уверенно побежала к потолку.

– А вот и чаёк поспел, Кирушка, – маленькие руки ловко управлялись одновременно с чайником, горой толстых бутербродов и аж тремя банками с вареньем.

Откуда в квартире стало появляться сие гастрономическое разнообразие, я старалась не думать и тем более не спрашивать. С той памятной ночи, когда в уютной берлоге сильной и независимой меня появились аж два домашних, жизнь претерпела большие изменения. Кухня, на которой фирменным блюдом была варёная гречка, отнюдь не по мановению волшебной палочки, а стараниями двух хозяйственных пар рук превратилась в столовую детского лагеря. Кормили здесь тоже по расписанию и в обязательном порядке, только порции были совсем не детские, да и меню разнообразнее.

И самое ужасное в этом было то, что за эти пару месяцев я... Привыкла. А «квартиранты» изошрялись как могли.

Рыжебородый мужичок наконец закончил жонглировать кипятком перед моим лицом и уселся на высокий стул напротив.

– Ты кушай, Кирушка, кушай. Вот попробуй, из диких яблочек варенье, – домовой, поддев ложкой золотистый шарик, застыл на пару секунд, любуясь цветом. – М-м-м... Как ме-

довые яблочки-то!

Я только обречённо угукнула.

– Помню, жил у нас в двадцать восьмой квартире Макарушка. От знатный был домовый, рукастый! Из простой шишки сосновой мог такое варенье приготовить – со всех подъездов собирались, пробовали да нахваливали. Эх, хорошо было тогда... – Ерёма улыбнулся сквозь бороду.

– Сколько ему лет было? – поинтересовалась я, стараясь поддержать разговор и уважить собеседника.

– Макару-то? Да, почитай, три сотни почти. Столько знал, видывал. Ещё при царе-батюшке. А с нашего дома съехал со своим жильцом ещё до расселения. У того дела в гору пошли, бизнеса разные, предпрпр... Предпрп... Предпринимательские, во!

Еремей погрузился в воспоминания. Я не перебивала. Наши утренние посиделки стали уже, кажется, традицией.

– Он ведь, Макарушка, с младенчества у ведуньи обитал. Видал колдовства-то всякого: и доброго, и чёрного. Ведьмы-то, их не поймёшь: у обычной бабы в голове ветра в разные стороны дуют, а у этих ураганы друг с другом воюют... – домовый виновато осекся и осторожно посмотрел на меня, тут же сделавшую вид: а мне какое дело? Я же не ведьма.

– А блины? Ерёма, ты блины забыл! – возмущённый возглас снизу заставил невольно вздрогнуть и вжать голову в плечи.

Утренняя трапеза грозила затянуться.

– Ребята, остыньте. Я скоро в форму не влезу с вашими... Фом, мне на работу надо. Блинами поужинаю, хорошо? – и, стараясь не смотреть на возмущённые мордочки домовых, позорно ретировалась с кухни. А вот из квартиры уйти безнаказанной не удалось: пришлось тащить с собой принудительно впихнутые пакеты с обедом, перекусом и «сладеньким к чайку».

* * *

Работа мечты... Да уж, когда в детстве спрашивали, кем хочу стать, я и подумать не могла о таком будущем.

Контора расположилась в неприметном сером здании – в таких в провинциальных городах обычно «селились» налоговые службы или почтовые отделения. Офис выглядел типичнее некуда, архив – ещё хуже, ближе к временам Союза. Основными рабочими инструментами, которыми нас снабжали, были типовые бланки, планшет, телефон с кнопками для корпоративной связи.

Оружие выдавали по особым случаям и по жёсткому регламенту. Вот оно было вполне современное: никаких тебе дряхлых арбалетов и старинных мечей – сплошные портативные лазерные расщепители, оптические винтовки и пистолеты с пулями из наносплавов с ионами серебра.

Но и таскать с собой пару ножей или стальных, с примесью серебра звездочек-сюрикенов специалисту не возбраня-

лось. Если тот был уверен, что сможет объяснить как-то их наличие, будучи задержанным или осмотренным рядовыми стражами правопорядка.

В регистратуре встретили привычно сухо:

– Бланк. Адрес. Портфолио особи. Удостоверение не забудь, там элитный посёлок, въезд ограниченный.

Решив не подниматься в отдел, я направилась к выходу.

«После заскочу. Может быть».

На посту охраны на въезде в посёлок проблем не возникло. За окошком машины замелькали не особняки – настоящие замки эпохи «кто кого переплюнет». Нужный нашёлся минут через двадцать. Я нажала на кнопку звонка и тут же очутилась по ту сторону двери.

«Бытовой телепорт... Недурно! Эдакий „вход для своих“».

Огромный холл встретил тишиной. Тягучей, какой-то липкой. Роскошное убранство, мраморный пол и откровенная вонь здешней нечисти завершили в голове образ места, к которому я без необходимости и подходить бы не стала. А уж жить...

– Чего надо-ть? – в проёме слева возникла сторбленная фигурка с копной густых седых волос на голове. Откуда-то из глубины этого седого стога поблескивали полные любопытства глаза.

– Кира Хохлова, специалист отдела по контролю и учёту единиц нечистой силы. Хозяин дома?

Сток утвердительно закивал.

– Вы в гостиную извольте пройти-ть. Хозяйка с Доней тудыть спустится.

В гостиной всего тоже оказалось много, дорого и местами непонятно. Один «экспонат» я даже не поленилась рассмотреть поближе. На мраморном столе расположилась уменьшенная копия какого-то языческого алтаря. Вокруг на каменных подставках стояли то ли мини-идолы, то ли просто фигурки с выдолбленными на них символами. Вот только из-за размера разобрать надписи было трудно.

Где-то в глубине сознания забрезжили воспоминания и ассоциации, но поймать нужную мысль за хвост я не успела.

– Кира Андреевна, добрый день. Мне звонили из отдела насчёт вас. Приятно познакомиться, Марина, – окутанная тяжёлым пряным запахом духов, передо мной наконец предстала хозяйка дома.

О таких женщинах, как о покойниках, принято либо говорить «роскошная», «роковая», либо лучше вообще не упоминать всуе. Тонкая, как статуэтка, с водопадом ухоженных и правильно уложенных каштановых волос, яркими губами и карими, почти чёрными, как у цыган, глазами. Само собой, в стильном костюме, умело подчёркивающим всё самое сочное.

– Чаю? Кофе?

Я несколько более раздражённо, чем следовало бы, отка-

залась. Думала, давно уже потеряла склонность к банальной женской зависти, а нет – какие-то потаённые рычажки внутри Марина задела.

– Могу осмотреть объект? Показатели с прошлого контроля изменились?

Женщина улыбнулась.

– Да, конечно. Донателло! Иди сюда! – приказной тон удался блестяще, и секунд через десять питомец, словно торнадо, ворвался в гостиную. – Хороший мальчик!

Тонкие пальчики госпожи принялись поглаживать то одну оскаленную морду с алеющими угольками глаз, то другую. Двухголовый пёс по размерам переплюнул солидный мраморный стол. А когти величиной не уступали лезвиям моих «звёздочек». Сравнить остроту мне точно не хотелось бы.

– Марина... Как вас по отчеству?

– Да что вы, не надо, я себя сразу чувствую старой! – отмахнулась хозяйка.

Вот только подобный игривый тон ей явно не шёл.

– Как скажете, но мне всё равно потом придётся сверить паспортные данные. Марина, ваша... – я запнулась, пытаюсь подобрать слово и не назвать её любимца ненароком тварью. – Особь значительно выросла по сравнению с прошлой контрольной отметкой, даже без замеров видно. Срывов точно не было? Агрессии? Ваш супруг, я так понимаю, не в курсе всех нюансов?

Ведьма улыбнулась шире.

– Что вы, Донателло – милейшее создание, – пёс в подтверждение оскалился обеими мордами. – Мальчик просто хорошо ест. У него разнообразный сбалансированный рацион. Ну муж, само собой, видит его под тенью наведённого морока, но это ничего не меняет! – и тут же опередила мой следующий вопрос: – У меня есть соответствующая лицензия, можете проверить.

Оставалось только приступить к замерам и тестам, преодолевая брезгливость и даже, чего уж там, страх. Взгляд то и дело возвращался к столу с каменными фигурами. Такое любопытство от хозяйки не укрылось и вызвало явное раздражение. Отчего мне стало ещё интереснее.

Когда необходимые процедуры закончились, нечисть, напिताвшись чужими эмоциями, довольно уселась возле хозяйки.

– Спасибо, Кира Андреевна. Приятно было познакомиться. Надеюсь, у вас не осталось больше вопросов. Макар, проводи.

Ведьма спешно удалилась, прикрыв, как ей казалось, незаметно волной морока стол с фигурками. А домовый поторопился провести меня к выходу.

«Макар», – в памяти неожиданно всплыл утренний разговор на кухне, и я остановилась у входа.

– Еремей тебя часто вспоминает, – не знала точно, что это тот самый домовый, но всё же попробовала наудачу. – Про варенье твоё рассказывает.

Седые брови удивлённо поднялись. Радость в глазах невозможно было скрыть даже за густой седой копной.

– Ты ему скажи, что я тоже помню. Всегда помнить буду.

– Макар? – я вдохнула глубже. – А что на том столе у твоей хозяйки? Алтарь, что ли, какой?

Домовой быстро оглянулся, а потом, жестом велел мне наклониться к нему, привстал на цыпочки и прошептал едва слышно:

– Ведьмин круг.

Почти сразу же, не успев ничего понять, я оказалась за дверью. И только в машине наконец вспомнила, где видела символы, изображённые на камушках. По крайней мере, один такой символ.

«На работу сегодня точно уже не попаду», – подумала, уверенно поворачивая ключ зажигания и трогаясь с места.

* * *

За шесть лет ничего не изменилось. Только поросло сорняком и кустами. На пепелище дачного посёлка уже не раз покопались жители окрестных деревень – искать здесь что-то ценное не имело смысла. На месте давно сгоревшей дачи не было даже мало-мальски уцелевшего кирпича, лишь сваленные кучей деревяшки, которые пламя не доело до конца.

«Всё растащили, суки!» – я со злостью раскидывала обгоревшие доски. Очистила пространство на том месте, где

должен был располагаться вход в подвал, и не поверила глазам: дверь в подпол даже не обгорела!

«И как местные не сняли? Здесь же металлом обито по краям».

Ровные доски поддались сразу, и я застыла перед входом в чёрную дыру... Нет, не подвала – своего прошлого. На секунду даже показалось, что снова стало нечем дышать, но, к счастью, только почудилось.

Луч фонарика прошёлся по внутренностям подвального зева, но сверху ничего разглядеть толком не удавалось. И я, прихватив небольшую доску, прыгнула.

Я забыла, у какой стенки мы закопали «клад», поэтому нашла место не сразу. Робко коснулась земляного пола, и в ответ будто слышала зов.

Откопать камень удалось быстро: комья земли разлетались из-под обломанного края доски, словно это было не в сыром подполе, а на удобренной свежевскопанной грядке. Затем ладони медленно погрузились в ямку, чтобы достать спрятанное; пальцы мгновенно замерзли, прямо заледенели. Достала круглый камень размером с дыню и старательно принялась вычищать грязь из неглубоких линий, пока рисунок не стал хорошо виден: внешний круг образовал циферблат с зарубками вместо цифр, внутри – две стрелки.

Но вместо понимания, вдруг пришла боль... Она будто плеснула из глаз, из самой глубины черепа. «Брызги» тут же осели на лице и двинулись дальше.

Отчаянно воя, я хваталась то за голову, то за предплечья, то за грудь, словно стараясь не дать жутким ощущениям поглотить тело полностью, удержать их. Глаза видели вспышками. И одно за другим обретали краски и чёткость тщательно стёртые мозгом воспоминания.

Как в отчаянии, страдая от удушья, пряталась от преследователей в подвале подожжённой дачи. Каталась по полу, пытаюсь содрать слой липкой плёнки, перекрывшей доступ кислорода. И умерла, так и не сумев сделать вдох. А дальше – как сама словно стала тьмой, которой было не страшно пламя: я-она прошла, просочилась сквозь огонь, не получив ни единого ожога. Взмыли в воздух здоровенные доски, лом, кусок железа – чьё-то туловище оказалось разрезанным пополам, и стихли, наконец, так раздражающие крики...

...Судорога отпустила тело так же внезапно, как и началась. Но я всё лежала, скрючившись, на земляном полу. Взгляд с трудом сфокусировался на камне рядом. Одна только мысль, что я снова могу случайно его коснуться, привела в ужас и одновременно придала сил.

Из подвала я выбралась так быстро, как только могла, и поспешила к машине.

– Никогда, слышишь? Никогда не смей даже вспоминать эту дыру!

Руки тряслись, но выполняли привычные действия. Тронуться с места удалось с первой же попытки. Почти уже на въезде в город я всё-таки не выдержала и остановила

машину на обочине, еле успев открыть дверь. Рвало долго, спазмы переходили в рыдания, а потом меня опять выворачивало.

Отпустило где-то через час. Кое-как умывшись из бутылки, я снова взялась за руль, но, бросив взгляд на запястье, застыла: часы-тату на руке внезапно пошли.

Глава 2. Наследство

Шесть лет назад.

Печь сердито загудела и выплюнула столб жара. На её памяти вряд ли кто позволял себе подобное кощунство: ливануть в топку бензина и поджечь деревяшки вместе с мусором, бумагой и, судя по запаху, не так давно сдохшей внутри мышью или крысой.

«Хорошо хоть отскочить успела! И додумалась не бросать туда зажигалку, а поискать в доме спички...»

Старая бабушкина дача простаивала в заброшенном посёлке, заросшем одичавшими плодовыми и бурьяном. Среди таких же забытых летних домиков, когда-то с любовью построенных заботливыми руками. Поэтому место показалось мне вполне подходящим, чтобы схорониться от жаждущих расправы кредиторов.

Я наконец стащила насквозь промокшую толстовку и джинсы: майка и бельё остались относительно сухими. Достала спортивный костюм и тёплые носки и порадовалась собственной предусмотрительности. Хотя и в дикой спешке, но собраться я успела основательно – прихватила достаточно одежды и прилично запаслась едой. В сарае же нашлась старая, наполовину заправленная керосинка и чугунный котелок с крышкой.

«Знатная добыча! Знала бы бабушка, что я когда-нибудь

приеду сюда по собственному желанию и буду так радоваться, что эта деревянная развалюшка ещё жива!» – и с такими мыслями я принялась отмывать дом от толстенного слоя пыли и следов мышиноного царствования, чтобы хоть спать не противно было.

К вечеру, когда наконец закончила, дождь уже стих. Можно было и поужинать.

«„Доширак“ мне в помощь!» – я жадно уплетала дешёвую лапшу, наспех зажёвывая бутербродом и прикидывала, как жить дальше после того, как влипла в крупные неприятности. Знала ведь, кого собираюсь кинуть на деньги, но надеялась всё-таки выйти из аферы победителем, а не потенциальным трупом, с кучей бабла при себе и совершенно без возможности как-то им воспользоваться. Оставалось только пересидеть недельку-другую и попытаться выехать в другую страну. Благо, до границы с Казахстаном было недалеко, оттуда уже можно было и куда-нибудь потеплее и подальше.

За такими размышлениями прошло ещё часа два. Совсем стемнело, и на заброшенный посёлок опустилась тишина.

«Надо же, раньше ночи здесь были наполнены столькими звуками: и сверчки тебе, и сова жила у соседа дяди Миши под крышей. И лягушачий хор: так орали, что аж сюда долетало! Хотя может, уже и речки-то нет?.. Луна сегодня огромная, жёлтая, бррр! Не люблю такие ночи... Да...» – меня только стало клонить в сон, как какой-то шорох на крыше вывел

из тепла сытой дрёмы.

«Грёбанные мыши! Надо было травилку купить, раскидать по углам».

Звук повторился, теперь уже в двух местах. Я снова закрыла глаза.

«Чёрт с ними, здесь грызунов море, и все непуганые».

Сознание медленно потухло...

... – Это твоё наследство, птичка моя! – говорит бабушка и обводит любящим взглядом старенький дом. – Здесь тебя всегда примут, защитят. Даже когда меня уж не будет.

– От кого защищать-то, бабуль? Да и кому я, кроме тебя, нужна. – отмахиваюсь и сижу дальше, ласково перебирая тёплую белую шёрстку прильнувшей к бедру кошки. А бабушка по странной привычке обращается уж к хвостатой мурлыке:

– Мы своих не бросаем, да, Марусь?..

Я проснулась от скрипа и тут же села. Света с улицы хватало, чтобы глаза быстро привыкли, и я беглым взглядом оценила обстановку: дверь в дом неспешно покачивалась, а на пороге, словно статуэтка, замерла чья-то облезлая кошка.

– Брысь! – я нашарила рукой какую-то тряпку и, скомкав, запустила в гостью. Животное не шелохнулось, только вспыхнули зелёными бликами круглые глаза, хотя свет падал с другой стороны. Я шикнула ещё раз и нарочито подалась вперёд, сделав вид, что собираюсь бросить в нахал-

ку ещё что-то и случайно задела локтем керосинку на столе сбоку от дивана.

Раздался звон, но вместо резкого запаха горючего в нос ударила вонь нафталина и болотной сырости. Я прочихалась и потёрла было переносицу, но быстро отдернула руку от лица – она почему-то стала липкой.

«В чём это? От тряпки, чтоли?» – я удивлённо посмотрела на ладони – теперь обе покрылись неведь откуда взявшимися пятнами. Но хуже всего было то, что пятна тут же стали быстро расплзаться, покрывая и запястья. Подскочив, я бросилась к ведру с водой.

«Не смывается! Какого хрена она не смывается?!» – принялась стягивать олимпийку, потому что манжеты противно намокли.

Руки почернели по локоть.

– Мяу! – послышалось с порога. Я повернула голову, но кошка успела исчезнуть. Зато с улицы донеслась приглушённая ругань.

– Не уйдёт – здесь бежать некуда!

– Главное, чтобы деньги при ней были, а то опять тащить-ся куда-то уже сил нет! Вторые сутки на ногах!

Я в панике заметалась по дому: липкая дрянь, по ощущениям, уже покрыла плечи и продолжила растекаться дальше, а на улице ждали суровые ребята, встреча с которыми пугала не меньше.

«Подпол! У бабки был подпол!» – внезапно вспыхнула

мысль, когда то, что покрыло мою кожу, стало потихоньку сжиматься, стягивая охваченные конечности, как резиновая перчатка, из которой откачали воздух. Или как плотная плёнка.

Подпол всегда оставался для меня под запретом. Бабушка вроде как хранила там самогон, пряча от загребущих ручонок соседей и зоркого взгляда участкового. Не сразу удалось нашарить крышку подполья и её поднять, пришлось отодвинуть кое-как тяжеленную кровать со ржавой металлической сеткой. Я мешком свалилась внутрь, больно ударившись хребтом, а крышка сама собой тихо опустилась, запечатав меня в темноте подвала.

«Ненадолго...» – отозвалось в уже почти угасшем сознании: плёнка, сжав горло, добралась до головы...

...Дом полыхал.

– Девки в избе не было, – рапортовал по телефону один из парней. – Денег тоже. Всё пролезли, и другие дома осматрели. Да, подожгли дачки, чтоб некуда ей было... Да, понял.

Мужчина положил трубку. Зло сплюнув, посмотрел на горящую дачу.

– Диман, глянь, Диман, что это за...

Огонь обрисовал фигуру, что появилась прямо из пламени и теперь неспешно брела в сторону застывших гостей. Те инстинктивно понялись.

– По машинам! Валим, валим!

Кусок доски, охваченный языками пламени, со свистом пробил грудину первому.

«Это с какой же дурью надо было броси....» – мысль напарника, Димы, оборвалась, не успев до конца созреть в раскроенном ещё одним «снарядом» черепе.

А старая дача продолжала гореть...

...Воздух ворвался в лёгкие, обдавая грудь волной боли. А потом она схлынула. Будто испарилась. Вместе с остатками чёрной «плёнки». Я пришла в себя среди догорающего посёлка: уже рассвело. Огонь доедал ещё и остатки джипов. Рядом валялись тела моих «гостей».

– Мяу?

Кошка сидела напротив, преданно заглядывая мне в лицо. Память отказывалась сотрудничать: сообразить, как выбралась из подвала и очутилась на улице, никак не получалось.

– Спряталась, твою мать! Только деньги выкопаю и свалю подальше... – сказав это вслух, я словно придала себе смелости, и, пошатываясь, поднялась на ноги. Хотела было взять на руки кошку, но та снова успела слинять.

Когда выкопала сумку, спрятанную позади деревянного туалета, первым делом я достала телефон и включила камеру в режиме зеркала. С экрана вытаращилась знакомая рожа: нос, губы, уши – всё на месте. Я со вздохом облегчения сунула телефон обратно. Пора было валить.

Над пепелищем сгоревшего дома лёгкий ветерок разносил остатки дыма. То, что столько лет держало эти стены, не давая совсем прийти в упадок, наконец покинуло их. Вместе с новой хозяйкой. Оставив только тихое эхо, отголосками мелькающее то тут, то там.

«Ведьмы своих не бросают».

... Наши дни.

– Меня сегодня никто не ждёт, что ли? – тяжёлые ботинки с глухим стуком приземлились на пол у порога. Да так и остались лежать бесформенной кучей.

«Правду говорят, к хорошему быстро привыкаешь, да, Хохлова? Что за тобой теперь обувь сразу убирают, тапочки наперегонки несут, пирожками балуют», – я устало пошлёпала в сторону кухни. Оттуда, как раскаты грома, доносился грохот падающих кастрюль, ковшей и другой посуды.

«При случае надо бы спросить, откуда взялось столько добра, если раньше была одна-разъединая сковородка».

С этими мыслями я толкнула плечом дверь в кухню и резко остановилась в проёме.

«Ну вот и узнали, почему они селятся поодиночке!»

Передо мной, ошалело застрывшей на входе, развернулась

картина вполне себе апокалипсиса. Алые потёки на стенах, перевёрнутая мебель, выпотрошенные ящики и груды покорёженного металла и осколков на полу. Вершиной этого кухонного кургана мне почему-то показался невесть как представший к оконному стеклу подгорелый блин.

Здесь случилась не ссора, нет. В моё отсутствие в квартире разразилась даже не битва, а целое побоище. И похоже, не в первый раз.

– Кирушка, а ты что же, дома уже? – из-под шлема-ковша показалась одна бородатая рожа. В густой рыжей растительности намертво запуталась чайная ложка.

– Да, Кирочка, а мы вот поспорили немного, с чем тебе по нраву пирожочки придутся больше: с капустой или сладкие? – второй домовый с трудом выкарабкался из опрокинутого мусорного ведра, задумчиво поскрёб заросший редкими пегими волосами затылок и виновато опустил глаза.

Я подняла валявшийся ближе всего стул, перевернула и присела.

– Территорию делите, значит... – домовые опасливо переглянулись. – Сферы влияния, так сказать.

Нехороший тон заставил нечисть вытянуться по струнке:

– Кирушка, да мы всё уберём мигом. Ты и голову домывать не успеешь, как уже и настряпаем, и порядок наведём.

– Порядок – это хорошо, – я побарабанила пальцами по коленке, отбивая незатейливую мелодию, и домовые напряглись ещё сильнее. – Значит так, ребятки. Не Кирушка,

а Кира Андреевна, как договаривались. Повторится – вернётесь в свой «отель» в очереди на снос. Я предупреждала: комфорт и одиночество мне гораздо приятнее ваших пирожков.

Встала и, уже повернувшись к выходу, буркнула через плечо:

– Терпеть не могу жареную капусту!

Вслед мне тут же донёсся один торжествующий «дзынь».

«Твою же» – было последнее, на что хватило уставшего мозга, и я, нервно похихикивая, поплелась в ванную.

* * *

Пирожков не было. Зато царил обещанный порядок, в чашке исходил ароматным паром любимый зелёный чай, а в тарелке рядом, пленяя запахом жареного теста, возвышалась приличная горка пухленьких румяных оладий. Домовые, сами того не зная, сковородковыми баталиями вытащили меня из болота ужаса и отчаяния. А горячая вода вернула мозг в рабочее состояние.

Провинившихся бородачей видно не было, и у меня невольно вырвался тихий смешок.

Возвращением в злосчастную многоэтажку я, конечно, домовых просто пугала. Привыкла уже как-то к заботе, уюту в квартире. К чистым выглаженным простыням, еле уловимому, но такому приятному запаху лаванды и розмарина.

И даже, чего уж там, к этому их отвратительному «Кирушка»!

От приятных размышлений отвлѣк снова проснувшийся зуд на коже запястья.

Я, не переставая жевать, задумчиво оглядела изменившуюся татуировку.

«А что, если...»

Осознание было чѣтким и уверенным, без какого-либо волнения. Только холодная решимость.

Порывшись в паре ящиков и прихватив необходимое, направилась в коридор. Оставалось только накинуть прямо на пижаму куртку, влезть в кроссовки и быстро выскользнуть из квартиры.

«Пип-пип» – щѣлкнула клавишей на брелоке сигнализации. Фары отозвались приветливыми вспышками, и я, небрежно кинув в салон моток пищевой плѣнки и несколько припасѣнных приборов, села на заднее сиденье и захлопнула за собой дверку, отсекая последние сомнения.

Я бережно накрыла обивку, будто испачкать салон было наибольшей проблемой в этой истории, достала аптечку из-под переднего пассажирского сиденья и полупустую бутылку дешѣвого коньяка из бардачка. Алкоголь вообще безотказно приманивал многих существ, нечисть чуяла его лучше любых магических ловушек или эликсиров. Но сейчас прозрачная коричневая жидкость не была приманкой, а обжигающим ручейком заструилась в горло. Подавив порыв фонта-

ном выплюнуть пойло обратно, я задержала дыхание секунд на тридцать. Пальцы разжались, и бутылка укатилась под водительское кресло.

Глубокий вдох. Пора.

Вместо стеклянного горлышка, в ладони теперь плотная деревянная рукоять. Резкий взмах. Секунда, чтобы решиться и быстро опустить тяжёлый кухонный топорик чуть выше ненавистной метки.

Боль пронзила не только руку, но и всё тело. От запястья, волнами по нервным окончаниям, тонкой иглой вонзившись в затылок. А топорик с бешеной скоростью отскочил в сторону, вдребезги разбивая стекло задней пассажирской двери.

Опомнившись где-то через минуту, я тут же, стараясь унять тошноту, заставила себя посмотреть на сотворённое безумство. И сама не поняла, что испытала сильнее: разочарование или облегчение.

«Не прокатило, — я жадно изучала взглядом ровную, без единой царапины, кожу. — Этого следовало ожидать».

И обречённо полезла искать укатившуюся бутылку.

* * *

Гулкий бас в трубке звучал добродушно и приветливо. И это успокаивало.

— Кир, чем порадуешь? — я почему-то представила, как собеседник довольно улыбается.

– Рома, она... Она движется. Стрелка... Как живая!

Пауза. Затем, резко ставший серьёзным, но по-прежнему спокойный голос, зазвучал в ухе вновь.

– Главное, не бесись. А то знаю я тебя – ещё придумаешь руку отрезать, – сказал, и моё лицо перекосило от такого попадания. – Сколько уже показывает?

– Почти что без десяти.

– Ты у себя? – спросил, а я в ответ отрицательно замычала, перебираясь на переднее сиденье. – Иди домой, Кир. За ночь ничего не изменится: метки так быстро не срабатывают, времени хватит поискать какое-то решение. Я спрашиваю, подумаю денёк. Завтра вечером заедешь в мастерскую, покажешь свои часики.

Прикрыть глаза. На пару секунд. И, смирившись, резко выдохнуть.

– Пойду. Домой.

Рома не ответил. Прощаться было необязательно. Сейчас мы оба ничего не могли решить и изменить ход событий.

Я отбросила телефон на соседнее сиденье, несколько раз куснула кончик языка, стараясь успокоиться. Вытянула руку, и пальцы крутанули прохладное колёсико магнитолы на максимум. Так громко, чтобы точно невозможно было слышать собственные мысли.

За ночь успела и поплакать, и позлиться, и даже смириться с необходимостью снова вернуться на злосчастную дачу, чтобы забрать камень. Но вот что с ним делать потом,

не представляла совершенно. Уже из интереса ещё дважды попробовала отрезать руку. Или хотя бы поцарапать. Результат не поменялся.

На рассвете я позвонила в автосервис и вызвала пару знакомых гоблинов на эвакуаторе, чтобы отвезли машину на ремонт, вставили стекло.

«Разгребать кучи будем по мере их накопления!» – дождавшись, наконец, когда железного друга заберут с парковки, я направилась в сторону дома.

На лестничной клетке встречал запах мясного пирога.

Глава 3. Нечистик

Отчёт по вчерашнему визиту в особняк застопорился в самом начале. Мысли то и дело возвращались к мини-версии Ведьминого круга и камню, заставляя пальцы без движения висеть над клавиатурой по несколько минут. На левую руку выше кисти я принципиально старалась не смотреть, дав себе установку: не думать о проблеме хотя бы до вечера. До визита в Ромину мастерскую.

На работу сегодня бессовестно опоздала, и полдня потратила, пока рылась в базе данных. В открытых архивных файлах не нашлось информации по колдовским алтарям подобного типа, как тот, что расположился на столе в гостиной Марины, мать её, Робертовны. А доступа к спецархиву у меня не было. Можно было, конечно, сторговаться с кем-нибудь из канцелярии, но в таком случае рано или поздно об интересе рядового сотрудника к закрытым файлам узнало бы начальство. Светиться не хотелось, поэтому оставалось только злиться от невозможности удовлетворить любопытство. И мучить до конца дня несчастный файл отчёта об огромной двухголовой псине.

Собственная же голова мстила за прошедшую ночь, раскалываясь буквально от каждого звука. А их в конторе с обеда было предостаточно. Через два часа, проведённых перед монитором в безуспешных попытках придумать рапорт, во мне

родились и утвердились два главных желания. Первое – выкинуть к лешему из окна телефон в кабинете начальника. Второе – вслед за аппаратом отправить туда программиста Лёху, без остановки болтавшего с утра что-то о русалках, порнухе и гневe водяного с городских озёр.

Думаю, вникни я в суть, из них двоих телефон может и выжил бы, а «трындычиха» в растянутых джинсах – вряд ли.

– Хохлова, к шефу, – заглянула в мой угол Анечка – секретарь начальника. Дева-соблазнительница, летавица и просто приятный во всех отношениях нечеловек.

«Если только при дневном свете не разглядывать, хех! Интересно, как она себе лифчики находит, на ночных распродажах? Это ж целый квест, наверное», – такой вопрос, причём из чисто практического интереса, посещал меня почти каждый раз при виде этого милейшего создания. Какие мысли приходили сотрудникам-мужчинам, догадаться было нетрудно. Однако, зная специфику Аниных предпочтений, желания сблизиться никто не проявлял: судьба самца богомола парней прельщала мало. Как и суккубы, летавицы забирали из своих партнёров-жертв по капле жизненную силу. Некоторые, как Аня, делали это строго по лицензии и в ограниченном количестве. По Анечке, например, определить, давно ли у неё случилось очередное «свидание», можно было так же, как у обычной женщины засечь признаки ПМС.

Когда я только устроилась в подразделение по контролю за нечистой силой, поначалу было дико видеть среди сотруд-

ников представителей нежитией братии. Анечка, к слову, из них была самой дружелюбной.

Из размышлений я вынырнула уже перед дверью. Кабинетом начальника отдела гордо именовался отгороженный жиденькой пластиковой перегородкой закуток. Там с трудом помещались два стола, стоящие буквой «Т», вытертое кожаное кресло, общий холодильник и сейф. Шеф обычно к рабочему месту протискивался только боком, сосредоточенно пыхтя и подбирая солидный живот.

Я вошла, ожидая разноса за то, что не появилась вчера в конторе, и приготовилась получить суровый начальственный втык. С этой стороны работа в тесном коллективе невыгодно отличалась от службы в крупных подразделениях. Там поди уследи за каждым: знай себе отписываются и по-тихому и занимаются своими делами. А в нашей конторе все сотрудники на глазах у руководства, чуть что не по порядку – сразу мотивирующий пендель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.